

УДК 271.2(470.324)

МНЕНИЕ ЕПИСКОПА КУРСКОГО СЕРГИЯ (ЛЯПИДЕВСКОГО) ОБ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

ИКОННИКОВ Сергей Анатольевич,кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин,
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

АННОТАЦИЯ. В середине XIX в. трудности в обеспечении приходского духовенства стали очевидны не только для священноначалия, но и для представителей широкой общественности. В церковной и светской печати активно обсуждались меры, необходимые для улучшения быта служителей алтаря. Указом императора Александра II 28 июня 1862 г. было образовано Присутствие по делам православного духовенства. Новое учреждение имело цель собрать мнения и предложения рядовых священно- и церковнослужителей, и правящих архиереев по вопросу о преобразованиях в духовном сословии. Особое внимание правительство уделило предложениям выдающегося церковного деятеля синодальной эпохи епископа Курского Сергия (Ляпидевского). В статье на основе архивных материалов впервые анализируются предложения курского преосвященного по вопросам, связанным с улучшением материального положения приходского духовенства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Православная Церковь, Российская империя, Центральное Черноземье, приходское духовенство, материальное положение духовенства, Присутствие по делам православного духовенства.

VIEWPOINTS OF THE KURSK BISHOP SERGIY (LYAPIDEVSKY) FOR LIVING STANDARDS IMPROVEMENT OF ORTHODOX PARISH CLERGY

IKONNIKOV S.A.,Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of History, Philosophy and Social Policy,
Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter I

ABSTRACT. In the middle of the XIX century, certain difficulties in material security of parish clergy became obvious not only to the hierarchy, but also to the general public. In the church and secular press, the ways to improve the living standards of orthodox parish priests are discussed. By decree of Emperor Alexander II, on June 28, 1862, the Special commission on orthodox clergy affairs was formed. The commission was established to collect and analyze opinions of clergy, deacons, subdeacons, and bishops on forthcoming church reforms. The opinion of the prominent church leader of the synodal era the Kursk bishop Sergiy (Lyapidevsky) was of particular importance to the government. The article, based on archival materials, first analyzes the proposals of the Kursk bishop on issues related to the improvement of the material situation of the parish clergy.

KEY WORDS: Orthodox Church, Russian Empire, Central Black Soil Region, parish clergy, material security of parish clergymen, special commission with regard to orthodox clergy affairs.

1 860-е гг. ознаменованы широким обсуждением проблем материального обеспечения приходского духовенства. Правительством императора Александра II стремилось улучшить быт священно- и церковнослужителей и возвысить авторитет православного пастырства. Служители алтаря выполняли не только религиозные функции по окормлению паствы, но и являлись идеологической опорой самодержавного строя. От внешнего облика клириков зависело в конечном счете очень многое, в том числе и отношение населения к правящей династии.

Роль духовенства в жизни простого народа во второй половине XIX – начале XX вв. была особенно значима. Часто священно- или церковнослужители были единственно образованными лицами в крупном селе с населением в несколько тысяч человек. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, храм в дореволюционной России являлся по сути единственным духовным, культурным и образовательным центром для крестьян. Последнему главе военного и морского духовенства

нередко приходилось видеть картину, когда мать из-за своей неграмотности, вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередко на волость с населением в 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30–40 детей) [1, с. 15].

Однако, несмотря на всю значимость священнического служения в дореволюционной России, материальное положение пастырей оставляло желать лучшего. Попытка улучшения быта духовного сословия была предпринята в годы правления императора Александра II. 28 июня 1862 г. государь подписал указ о создании Присутствия по делам православного духовенства. В задачи нового органа входило: увеличение средств материального обеспечения приходского духовенства, расширение личных гражданских прав священно- и церковнослужителей, предоставление детям духовных лиц возможности свободного выхода из духовного сословия, усиление роли причтов в повышении уровня народного образования [2, с. 560].

Для того чтобы иметь наиболее полное представление о нуждах и реальных проблемах приходских клириков в епархии рассылались специальных оп-

© Иконников С.А., 2018

Информация для связи с авторами: ikonnikovsergey88@mail.ru

росные листы. В них священнослужители каждой приходской церкви должны были ответить на вопросы о своем материальном положении. Духовным лицам предоставлялась возможность открыто высказать мнения и предложения. Планировалось, что Присутствие по делам православного духовенства тщательно проанализирует все поступившие отзывы и выработает на их основе дальнейшие шаги к улучшению материального положения. Открытость, с которой власти подошли к проблеме, удивляла современников. С. Арсеньев в записке на имя В.А. Арцимовича, одного из видных деятелей эпохи Великих реформ, писал, что право свободно говорить о назревших проблемах духовного сословия было предоставлено впервые. «Нет надобности доказывать, что общее невыгодное для него (духовенства) мнение всех сословий укоренилось с давних пор, но доселе не выражалось или выражалось робко по невозможности в прошлое время затрагивать те щекотливые вопросы, которые теперь, благодарение Богу, могут быть гласно обсуждаемыми» [3, л. 1–1 об.].

Практически все приходские причты составили отзывы о положении дел в духовном сословии. Архивные документы свидетельствуют о крайнем недовольстве священнослужителей условиями быта и особенностями материального обеспечения. Клирики впервые делились веками накопившимися проблемами. Особое внимание правительство уделяло мнениям правящих архиереев. Архипастыри видели картину быта духовенства в целом и могли, ввиду хорошего образования и опыта административной деятельности, внести конструктивные предложения. Одним из выдающихся иерархов синодального периода был владыка Сергей (Ляпидевский) (1820–1898 гг.), возглавлявший в период проведения Присутствием по делам православного духовенства опроса курскую кафедру.

Материалы Присутствия по делам православного духовенства привлекают внимание некоторых исследователей. Немалый интерес представляют работы А.В. Всеволодова [4; 5], А.В. Мангиловой [6], С.А. Иконникова [7]. Однако огромный пласт важнейших источников сегодня изучен недостаточно. Взгляды епископа Сергея (Ляпидевского) еще ни разу не становились предметом отдельного исследования. Между тем позиция преосвященного по вопросу материального обеспечения причтов представляет собой значительный научный интерес.

Архиерей происходил из семьи тульского протоиерея и не понаслышке знал проблемы духовного сословия. В возрасте двадцати четырех лет он принял монашество и в скором времени был рукоположен в иеродьякона, а затем – и в иеромонаха. С первых же дней своего служения молодой иеромонах зарекомендовал себя не только как ответственный пастырь, но и как глубокий исследователь. В 1845 г. иеромонах Сергей (Ляпидевский) получил степень магистра богословия за диссертацию «О поминовении усопших». На момент защиты работа являлась единственным комплексным исследованием важного для российской литургической науки вопроса. В 1848 г. Сергей (Ляпидевский) назначается на должность инспектора Московской духовной академии. В академии он занимал должность экстраординарного профессора. В 1857 г. уже в сане архимандрита будущий архипастырь был утвержден в должности ректора Московской духовной академии. Столь ответственный пост архимандрит Сергей занимал до 1861 г. Молодой ректор снискал уважение священноначалия и своих собратьев-священнослужителей. Ему было поручено участвовать в реализации важнейших научно-богословских

проектов, в том числе в подготовке к изданию на русском языке текста Священного Писания. Высокого мнения о молодом ректоре был выдающийся иерарх XIX в. святитель Филарет (Дроздов).

Учитывая прекрасную репутацию, заработанную на должности ректора академии, Святейший Синод принял решение о посвящении архимандрита Сергия в епископский сан. В течение девятнадцати лет с января 1861 г. до 1880 г. епископ Сергей возглавлял Курскую епархию [8, с. 242–259].

Таким образом, в 1862–1863 гг. на момент проведения Присутствием по делам православного духовенства опроса о положении духовенства и о мерах, необходимых к повышению уровня благосостояния причтов, преосвященный Сергей был известен как выдающийся проповедник, талантливый ученый и умелый администратор. Этим объясняется тот факт, что к его мнению синодальные власти прислушивались с особым вниманием. В настоящее время высказанные владыкой предложения хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) в фонде Канцелярии Святейшего Синода, в описи, содержащей так называемые «секретные дела» Синода.

Анализ источников показывает, что к вопросам улучшения быта и материального обеспечения приходских священно- и церковнослужителей архипастырь относился со всей серьезностью. Прежде чем выразить собственное мнение преосвященный указывал, что лично проверял условия жизни городских и сельских причтов, посещал их дома. По свидетельству епископа, отзывы священников, на основе которых формировалось его мнение, реально отражали действительность. Архипастырь умышленно не предоставил времени приходским клирикам доработать свои отзывы, желая получить наиболее объективные оценки состояния духовного сословия: «Надлежало дать свободу каждому из клира говорить о своем положении, что ему угодно и как угодно и еще не скрыть пред Высшим Начальством того, на какой степени умственного развития и довольства своим содержанием стоит наше провинциальное духовенство» [9, л. 60].

Одной из наиболее проблемных сторон в материальном обеспечении пастырей являлась плата за совершение таинств. Низкий уровень благосостояния причтов определялся нестабильностью и ненадежностью источников материального обеспечения. Во второй половине XIX – начале XX вв. основным способом существования служителей Церкви была плата за требоисполнение, то есть за совершение частных обрядов и чинопоследований. Плата за требы носила «доброхотный» (добровольный) характер. При императрице Екатерине II 18 апреля 1765 г. был издан закон, определяющий приблизительный размер платы за совершение таинств. Так, сельские священнослужители должны были брать со своих прихожан за крещение младенца – 3 коп., за очистительную молитву над матерью – 2 коп., за венчание 10 коп., за погребение взрослых – 10 коп., за погребение младенцев – 3 коп. В указе запрещалось брать деньги за совершение таинств Исповеди и Святого Причащения. Плата за молебные пения и панихиды объявлялась добровольной, верующие сами могли выбрать способ, как отблагодарить священнослужителей, «точию, чтоб священно- и церковнослужители ни под каким видом большего себе за оныя требы платежа не домогались, а довольны б были таковым указным и доброхотным подаением» [10, с. 117]. Уже в конце XVIII в. указанные размеры вознаграждения вызвали критику духовенства. Священники аргументированно доказывали, что обозначенные в законе суммы

не могли покрыть расходов даже на самые необходимые жизненные потребности.

3 апреля 1801 г. был принят новый закон, удвоивший размеры вознаграждения за требы, определенные указом 18 апреля 1765 г. [11, с. 605–606]. С тех пор законодательно размеры вознаграждения за требоисполнение не изменялись вплоть до революции 1917 г. Мало кто из прихожан знал о существовании закона 1801 г., и в деле оплаты труда священнослужителей крестьяне, как правило, руководствовались традициями и обычаями той местности, в которой располагался приходской храм.

Епископ Курский Сергей (Ляпидевский) выступал против взимания духовенством платы за требы, так как Сам Христос заповедовал апостолам, а значит, в их лице и последующим поколениям священнослужителей – «даром получили, даром давайте»: «За все шесть таинств, которые пресвитер получает право совершать, он ничего не должен брать. Это воспрещение или совсем уничтожит величайшие злоупотребления или пособит тому, что они будут чрезвычайно редки» [12, л. 28 об.–29]. При этом архипастырь явно сгущал краски, когда характеризовал пагубность действовавшего способа добротной оплаты треб и описывал моральные качества священнослужителей: «Один Бог знает, сколько по причине корыстолюбия недостойных священников умерло младенцев без окрещения или чаще без миропомазания, сколько больных отошло на тот свет без исповеди и святого причастия, а что они лишались елеосвящения, этого иные священники не вменяют ни им в потерю, ни себе в вину, сколько также совершено браков без благодатной силы таинства» [12, л. 29].

Однако даже ригористично настроенный курский архипастырь считал несправедливым называть попытки священнослужителей получить большую плату за требы вымогательством и взятками. «Взятки берутся тайне, плата за требы взимается явно. Никто не помышляет, чтобы тут присоединилось какое-нибудь явное нарушение закона церковного. Светские люди осуждают священников не за то, что берут, а за то, что много берут» [12, л. 29]. Всякие рассуждения о взятках могли прекратиться, по глубокому убеждению владыки Сергия, после законодательного запрещения всякой платы за требы. Каким образом тогда священник сможет торговаться о плате за крещение младенца или требовать суммы с женщины и невесты за свадьбу? Приходские клирики не дерзнут вымогать плату при свидетелях, так как это будет являться прямым нарушением закона. В качестве аргумента архиерей приводил практику причащения младенцев. Священноначалие не поощряло клириков, которые просили деньги с матерей, приносивших своих маленьких детей в храм для причащения. Во многих приходах традиции платить за это также не существовало. В результате «самый дерзкий священник только кричит на мать, будто она не так держит дитя свое, а денег боится просить. Если же и останется вымогательство, то разве тайное, которое хотя само в себе постыдно, но не так соблазнительно, как явное» [12, л. 29 об.].

Негативная черта требоисполнения заключалась в том, что реальный уровень доходов, получаемых священнослужителями за совершение треб, сложно было достоверно оценить. «В этом способе их существования (плата за требы – С. И.) есть та нехорошая черта, что они стараются скрывать его размеры: весьма редко можно встретить такого священника, который бы определенно, без уменьшения сказал, сколько он получает доходов. Какие бы ни были причины сей скрытности и даже лжи, во всяком случае явление это не благоприятно по своим

последствиям. Если духовенство привыкло скрывать меру своих доходов, то оставляется место предположению, что или доходы не все чисты и безукоризненны, или оно хочет показывать себя в личине нищенства» [12, л. 18 об.].

Архиерей отмечал, что многие приходские клирики Курской епархии практиковали так называемую «поручную дачу», то есть когда деньги за требы миряне платили священнику лично, а последний не разделял средства между другими членами причта. В свою очередь дьяконы и псаломщики видели в этом попытку утаить от них доходы, естественно выступая против такой практики. Внутри причтов нередко возникали по этому поводу конфликтные ситуации. Но несмотря на это, глава Курской епархии был убежден в том, что в целом уровень доходов за требоисполнение являлся крайне недостаточным. «Но, если б это и было достигнуто, если б повсюду приведены были ежегодные сборы в совершенную известность, нигде они, кроме разве большей части столичных и немногих приходов в провинциальных городах, не могут дойти до той суммы, которая была бы удовлетворительна для местных причтов. В селах же, и особенно в областях земледельческих, а не промышленных денежные доходы не удовлетворяют даже и необходимым потребностям духовных лиц и их семейств» [12, л. 19 об.].

Единственно возможный способ избежать проблем, связанных с требоисполнением, мог заключаться в установлении постоянного фиксированного жалования. Однако архипастырь понимал, что обеспечить духовенство жалованием, выплачивая приемлемые оклады содержания, не представлялось возможным. На одну Курскую епархию, где насчитывалось около тысячи церквей, потребовалось бы ежегодно отчислять сумму в один миллион рублей. Откуда бы ни бралась указанная сумма – из средств государственного казначейства или из приходских сборов, собрать ее было невозможно. Общество обязательно бы возмутилось. «От лиц духовных за эту высокую цену потребовались бы такие достоинства и совершенства, которые и в лучших священнослужителях встречаются редко» [9, л. 61 об.].

Увеличение церковных земельных наделов, находившихся в собственности приходских храмов, могло оказаться хорошим подспорьем в деле улучшения быта духовенства. Однако реализовать эту меру на практике также не представлялось возможным. В Курской губернии, с точки зрения архипастыря, не хватало бы площади свободной земли, которую можно было бы выделить причтам. Архиерей предостерегал священноначалие от опасности необдуманного отношения к земле как источнику материального обеспечения клириков. Требовалось ответить на вопрос, каким образом священнослужители должны были пользоваться наделами. Если отдавать землю в аренду, то необходимую сумму для содержания священно- и церковнослужителей невозможно было бы получить. Если бы духовные лица самостоятельно обрабатывали участки, то работа на земле отвлекала бы пастырей от исполнения прямых священнических обязанностей. Помимо забот о приходе и богослужения, на служителях алтаря лежал целый ряд обязанностей социального характера. Церковная благотворительность, миссионерская работа, деятельность на поприще народного образования являлись неотъемлемой составляющей священнического служения. Эффективный труд на земле, который бы мог принести достаточную финансовую отдачу, требовал от духовных лиц значительного времени, что неизбежно сказывалось на качестве пастырского служения. «Хозяйство нередко будет служить препятствием к немедленному исполнению треб ду-

ховных. Например, когда священник в поле и за несколько верст от своего села не может так скоро явиться к больному, как если бы он, находясь дома, был вызван к нему» [9, л. 62].

Епископ Сергей вступил в полемику с теми, кто считал, что земледелие являлось наиболее разумным источником обеспечения сельского духовенства. Священники, занимаясь обработкой земли или пчеловодством, могли не только заработать, но и выступить в качестве образцовых хозяев, что привлекло бы внимание крестьян и возвысило авторитет пастырей. Подобная точка зрения высказывалась на протяжении всего пореформенного периода. К примеру, священник села Уланка Суджанского уезда Курской губернии Николай Невский, считавшийся успешным пчеловодом, призывал духовенство активнее заниматься личным хозяйством. На своем собственном примере иерей доказывал, что пчеловодство могло послужить хорошим финансовым подспорьем для членов причта и оказать положительное влияние на паству. В своих публикациях на страницах епархиальных ведомостей он призывал собратьев: «Считаем самым приятным для себя выразить самое искреннее и глубокое пожелание духовенству нашей епархии заводить по возможности пасеки и выказать особое внимание и усердие в деле развития у нас рационального пчеловодства. Смело приступайте к этому делу, веруя в то, что если труд вообще без награды не остается, то в деле пчеловодства он особенно хорошо вознаграждается» [13, с. 968].

У епископа Сергея была иная точка зрения. Архипастырь считал, что пример священника – доброгосподствующего не может быть доводом в пользу расширения церковных земельных наделов. Священное Писание призывало быть клириков образцом жизни и слова, а не «процветания землепаше-

ства или скотоводства». Однако отсюда не следовало, что владыка рассматривал землю как излишнее обременение для клириков. Она, безусловно, была необходима. Но наделы следовало использовать как дополнительный, а не основной источник материального обеспечения [9, л. 62 об.].

Таким образом, с точки зрения преосвященного, стоило со всей серьезностью подойти к проблеме материального обеспечения клириков. Положение духовенства следовало непременно изменить к лучшему. Однако ни один из источников содержания не мог по отдельности возвысить уровень жизни и качество бытовых условий священнослужителей. Успеха можно было добиться, только соединив все основные источники содержания причтов, предварительно приведя их в порядок. Следовало учитывать особенности отдельных территорий. Например, в хлебобродных губерниях стоило увеличить зерновой сбор в пользу духовенства, а в промышленных – денежное вознаграждение от прихожан или казны. Духовные лица, после увеличения содержания, должны были понять, что от них требовалось более серьезное отношение к своим обязанностям. На священниках, дьяконах и псаломщиках как наиболее образованной части населения лежали обязанности по развитию народного просвещения. Причты должны были со всей отдачей работать на поприще народного образования, достойно исполнять пастырские и богослужебные обязанности, явить образец подлинной духовной жизни. Возвысить духовное сословие и стимулировать его к ревностному служению можно было, по мнению епископа Сергея, создав благоприятные условия для трудного, но крайне важного для империи служения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шавельский, Г. Русская церковь перед революцией [Текст] / Г. Шавельский. – М. : Артос-Медиа, 2005. – 512 с.
2. Об учреждении особого Присутствия из духовных и светских лиц для изыскания способов к большому обеспечению быта духовенства [Текст] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. – Т. 37. – Ч. 1. – № 38414. – С. 559–561.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 815. Оп. 1. Д. 283.
4. Всеволодов, А.В. «Сведения по делу об улучшении быта православного духовенства» 1863 г. как делопроизводственный комплекс [Текст] / А.В. Всеволодов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – №1. – Т. 2. – С. 23–27.
5. Всеволодов, А.В. Ответы приходских причтов на программу Особого Присутствия по делам православного духовенства 1863 г.: Проблемы типологии и интерпретации [Текст] / А.В. Всеволодов // Вестник архивиста. – 2012. – №2. – С. 39–50.
6. Мангилева, А.В. Материальное положение духовенства Пермской Епархии на «частновладельческих» приходах накануне Церковных реформ Александра II [Текст] / А.В. Мангилева // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – №8. – Т. 3. – С. 307–313.
7. Иконников, С.А. «Мнения» священно- и церковнослужителей, высказанные в рамках опросов Присутствия по делам православного духовенства как источник по истории приходских причтов епархий Центрального Черноземья [Текст] / С.А. Иконников // Современные научно-практические решения XXI века: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.И. Орбинского, В.Г. Козлова. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I, 2016. – С. 209–213.
8. Корсунский, И.Н. Высокопреосвященный Сергей (Ляпидевский), митрополит Московский и Коломенский [Текст] / И.Н. Корсунский // Богословский вестник. – 1898. – Т. 1. – №2. – С. 242–259.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 205. Д. 644.
10. Об определении платы священно- и церковнослужителям за духовные требы [Текст] // ПСЗРИ. Собрание первое. – Т. 17. – №12378.
11. Об освобождении прихожан от обязанности обрабатывать церковные земли и об удвоении положенной в 1765 году платы священнослужителям за исправление мирских треб [Текст] // ПСЗРИ. Собрание первое. – Т. 26. – №19816.
12. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 23. Ч. 1.
13. Невский, Н. О пользе пчеловодства [Текст] / Н. Невский // Курские епархиальные ведомости. – 1893. – №44. – С. 964–969.